

Alx Sax

Jackpot

Германн вздрогнул: в самом деле, вместо туза у него стояла пиковая дама.

А.С. Пушкин

Имена людей, компаний и собак, а также описываемые события, исключительная выдумка автора. Любые совпадения случайны.

Война и лень движут прогрессом. Но воевать мне не с кем, а вот лень – врожденная, с ней проще. Только лень нужно кормить. А питается она лучше всего, и исключительно конвертируемой валютой. В моём случае – долларами СэШэА. Где их брать? Зарабатывать? Не смешите. Заработать можно горб или грыжу, а заработать достаточное количество монет для полного удовлетворения потребностей лени – это нонсенс. Работа и лень – они вовсе не совместимы, если не сказать - антагонистичны, что будет и честнее, и правильнее. Только честным быть плохо. Хотя меня зачем-то научили в детстве, что плохо воровать. Теперь те, кого в детстве вообще мало чему учили, украв положенное, сидят не в тюрьмах - в кожаных, менеджерских креслах с жопастыми сучками на коленях, щупают их силиконовые сиськи, пьют мой любимый, блядей этих ровесник, кальвадос, имеют кучу бабла на своем банковском счету, дистанционно продолжают воровать. И, разумеется, лень их тоже в порядке: сытая и довольная. Отдыхает. А я в это время, обводя взглядом квартиру, думаю о том, что бы такое продать - дорогое, но не нужное. На моём счету - гроши, в доме кальвадосом пахнет только покрывшаяся плесенью от одиночества пара яблок в холодильнике, а про силикон просто даже не начинайте, а то вам захочется спросить и о лени. А мне и на силикон ответить нечего. Я смотрю вокруг и понимаю: у меня не то что продать – спиздить нечего.

Воровать не пойду. И не умею, и посадят. Потому как не умею. Почку продать? Благо их две. Пока две – вторая как бы и ни к чему, лишняя. Но ведь стоит одну вырезать - оставшаяся наверняка откажет. Тут даже не закон близнецов, а обычный закон подлости и зависти. «Ах, ты теперь с миллионером, ну, так и я ничего больше очищать-переваривать не стану. Сдохни, гад». На почку надежды мало, да и на белый маркет ее так запросто не двинешь. Не заявишь в интернете, как например, с авто: «Продается Кадиллак, марки «Девилл», 90-го года выпуска, с перламутровой инкрустацией и открытым верхом (в идеальном состоянии)». Она с середины 60-х пропустила через себя такое количество советской гадости, что самому с ней жить внутри стыдно, не то что выставлять на витрину Внешторга. Ну, хорошо, допустим – удастся перебороть в себе стыд, набраться коммивояжерской наглости, тиснуть в газетенке в разделе «Продается. Разное» конспиративное объявление для умеющих читать между строк: «Отдадим срочно драгоценный камень (в почке) по договорной цене». Потом выйти на богатого диализного лоха, и впарить ему часть себя за... Сколько? Ну, дадут штук 20 баксов. Так моей лени это на один зуб. Овчинка выделки не стоит. Почка – не вариант. Однозначно.

Другое дело – лотерея. Всего шесть угаданных номеров, но зато какие масштабы! Тут и размах души, и полёт фантазии, и главное – никакой вивисекции. Кто из нас, думая о выигрыше в сто миллионов долларов, не мечтал послать на хуй в одночасье осточертевших начальника, жену и тещу? А мало баб оставили в своих бриллиантовых грезах мужа, кровопийцу и пьяницу, вдыхать пары сгоревшего бензина из выхлопной трубы уносящегося в Orgasm-Wonderland ролс-ройс-кабриолета с молоденьким мулатом-шофером? И меха у них играли на солнце в унисон с изумрудным гарнитуром. И прощальный взмах, и вновь взмах-пожелание нежной, ухоженной ручкой.

- Надави-ка, дружок, посильнее на педаль газа.

И, путаясь в развивающемся шелковом шарфе, бросила в лицо:

- А тебе, козлу – так и надо, умри в нищете и зависти, скотина! Оставайся навеки один, и поделом тебе! Сатрап, душегуб, тиран и сволочь!

Умчалась.

Это когда достанет всё, когда схватит за горло, вынесет из колеи и давай мотать судьба-злодейка по ухабам да бездорожью житейских проблем, когда тут пропусти, там ужмись, здесь смолчи...

Где они, волшебные? Всего-то шесть их, но ох, как надо. Побыстрее бы, в этот вторник, а хотя бы, черт с ним, можно и в пятницу. Черт. Его только помяни. А ведь точно – черт шары крутит. Разве богам нужно молиться? Это и грех, поди. Но суммы, суммы-то какие! Неужели так-таки высшая математика, обычная теория вероятности и всё? Неужто небесные сферы не прикладывают никаких усилий к изменению человеческих судеб в отдельно взятом игровом секторе? То что, проигравшись-обанкротившись, стреляются – понятно. А наоборот? Не так чтоб воскреснуть, а что называется, из грязи в князи.

Ну, например, говоря элементарно о еде. Вчера одному в обеденный перерыв не хватило на сэндвич – купил за доллар лотерейный билет, остался голодным. Зато сегодня у него 133 миллиона – в банке, в сейфе, под подушкой, в чемодане, во всех карманах, куда ни сунься – доллары везде. Он взял *Jackpot* и автоматически перешел в категорию *людей, никогда не испытывающих чувства голода и редко стремящихся испытать чувство сытости*. Машина лотерейная ему номера судьбоносные выбрала сама: 1, 17, 31, 37 и т.д. Quick pick. Жри, не обляпайся. А если без машины? Вариантов много простых и сложных. Самый простой из сложных – иррациональное число π . 3,14159265358979323846264338327... и т.д. Все, что после запятой, расположено по системе случайных чисел, по этой же системе вываливаются шары из лототрона, по ней «работает» и quick pick. Думать много не надо, списывай и зачеркивай подряд по 6 номеров, и будет тебе «щастя». Когда будет? Этого даже Андрей Николаевич Колмогоров не знает. По его теории – как только одна вероятность пересечется с другой. Может, во вторник, а может, и никогда при этой жизни, но в вечной-то – наверняка. Всё же относительно.

Еще вариант, совсем думать не надо: помимо любимой цифры (скажем, 12) зачеркнуть по порядку количество прожитых лет женой, детьми, тещей и сенбернаром Яшкой. Шансов стать миллионером будет примерно столько же, хотя все же меньше, чем с помощью трансцендентальных чисел. Можно пойти и эзотерическим путем. Я в эти тёмные, плохо изведанные стороны потусторонней жизни стараюсь не соваться, но, разочаровавшись в высшей математике (в дипломе – «отл.») и в возрасте домашних (птху на них), решился-таки пойти именно этим рискованным путем. Пойти по следу графа Коли Шувалова.

На Колю Ш., внезапно выпавшего из светской жизни Брайтона в неизвестном направлении, я наткнулся в коридоре *Payne Whitney Psychiatric Clinic*¹. Я там пытался найти американское объяснение отечественной циклотимии, в годы перестройки вывезенной из ГКПБ №15² контрабандным путем. А Коля там в это же время (с его слов) «боролся с депрессией и изживал из себя последствия общения с загробным миром».

В узком кругу русскоязычных эмигрантов Колю знали под кличкой «Граф». Почему Граф – было понятно: фамилия у него была графская – Шувалов. Его так и звали все – Граф, и он на это не обижался. А был ли он на самом деле прямым родственником Петра Ивановича или просто его однофамильцем – никому до этого никакого дела. Познакомились мы шапочно, сейчас и не упомнишь где, через каких общих знакомых. Друзьями так и не стали, но, пересекаясь порой в русских кабаках, на разномастного рода вечеринках и пьянках, подавали друг другу руку и перебрасывались парой фраз: «Привет, Граф! – Привет, Серж!» - и разбегались до следующего «Как дела?».

И вот мне кто-то сказал, что Коля Шувалов пропал. Казалось бы, пропал, ну и ладно. Не велика фигура. Даром, что граф. Но после его исчезновения хвост немислимых слухов, один невероятнее другого, потянулся и запетлял по улицам и переулкам Брайтона, лишив покоя его обитателей. Говорили об украденных миллионах, молодой любовнице, самоубийстве и даже возвращении на Родину. Однако вскоре, как издавна заведено на Западе, другие более горячие новости сменили известие о его пропаже, и о Графе забыли. Забыл и я.

Когда находишься в сумасшедшем доме не на интенсивной терапии, а на инертном обследовании, то независимо от его географического месторасположения, всегда чувствуешь себя подавлено и одиноко. Психи, врачи, санитары, унылый колер стен, зарешеченные окна, минорное освещение - как неперменные атрибуты психиатрии - везде и всегда действуют одинаково угнетающие. И вот в этой обстановке мне как снег на голову свалился исчезнувший Коля Шувалов - по кличке «Граф». Нашей встрече в госпитале я обрадовался как случайно обнаруженному на публичном пляже артефакту. В

¹ Психиатрическая клиника на Ист-Сайд Манхаттан. Носит имя американского бизнесмена и основателя фонда.

² 15-ая Городская клиническая психиатрическая больница г. Москвы

этом положительном событии был единственный минус – само место встречи. Зато двумя плюсами было то, что он говорил по-русски, и то, что мы с ним не раз выпивали. Выходило, что по совокупности, особенно с учетом последнего - Граф из простых знакомых сразу переходил в категорию друг. Я напросился к нему в палату.

Вот все-таки не зря в русском языке существует достаточно много альтернатив перевода британскому слову *friend*. В английском *friend* и все, ну, *girlfriend* еще, конечно, или *boyfriend* - но это уже как производные от того же френда, и смысловая нагрузка у них практически одна и та же, с той лишь разницей, что есть друг, с которым спишь, и друг, с которым нет. Зато в русском между, казалось бы, одинаковыми для иностранного восприятия словами: знакомый, приятель, товарищ, кореш и друг – проходит определенно значимая смысловая граница. Это отступление я хочу свести к тому, что увидев в стенах *PWC* Колю Шувалова, я несколько поторопился назвать его для себя другом. Во многом, конечно, граф вел себя адекватно происходящему, и без его вразумительного повествования то, с чем я вас чуть ниже познакомлю, не смогло бы превратиться в более-менее связную историю.

Но случались моменты, которые с непривычки вгоняли меня в ступор. Коля, неожиданно прервав свой монолог, вдруг спрашивал у меня разрешения поползать. Застигнутый врасплох, я не сразу понимал, о чем речь, но машинально кивал головой в знак согласия. Тогда Коля ложился на пол, имитируя телом движения змеи, проползал метров пять, разворачивался, полз ко мне обратно, вставал и, как ни в чем не бывало, продолжал прерванный до этого на полуслове разговор. При этом он никогда не ошибался, не терял нить повествования и не перескакивал на другую тему.

Теперь он на все спрашивал разрешения. Раньше я его таким не знал. Не то, чтобы до этого он был грубиян и хам, но... Согласитесь, хорошо, в смысле - *it is OK*, учитывая обстановку: спросить разрешения поползать по коридору, прикинувшись гадюкой... Но спрашивать разрешения почесаться? Причем даже не в паху, а просто между лопаток, например, или за ухом. Или вдруг, он просил разрешения пойти заправить *мою* кровать. На мгновение опешив, я вновь автоматически кивал головой, потом шел за ним в палату и наблюдал, как он взбивает мою подушку, перестилает и без того аккуратно убранную постель: натягивает простынь, поправляет одеяло. Потратив на это минут пять, он подходил ко мне, произносил «ну, так вот» и продолжал недосказанное.

С каждым новым днем Колино поведение произвольно заставляло меня переводить его вниз по ступенькам дружеской иерархии. Помнится, он был еще в категории «приятелей», когда заявил мне: «А я тебе уже говорил, что сплю в постели Мерлин Монро?» (Она действительно в начале 60-х лечилась в *PWC*). «С чего ты взял, что она лежала именно в нашей палате и на твоей кровати?», - спросил я. «Ну, во-первых - у меня каждую ночь эрекция, а во-вторых – я до сих пор нахожу белоснежные волосы на своей подушке», - парировал Граф. Забывая о его безумии и помня его прежнего, в обращении к нему у меня порой всё еще проскальзывало: «Слушай, Граф, дружище...». Но, спохватившись, я задавался вопросом: «Зачем мне сумасшедший друг, если я и сам на

обследовании? Князь Мышкин и Родя Раскольников. Не многовато ли для одной русскоговорящей компании?».

Попрощаться мы не успели. Разминулись. По какой-то пустячной необходимости я отпросился в Сити. А в это время мой «друг» Коля по прозвищу Граф разобрал одноразовую безопасную бритву *Bic*, спрятался от посторонних глаз в туалете и, обливаясь кровью, виртуозно, как ему казалось, вырезал у себя на груди «*The queen of spades*»³. Но этого ему показалось мало, и он постарался вскрыть себе вены. Он был правша и начал с левой, и вскрыл вены так глубоко, что на правой перерезать их уже не смог. Не слушались пальцы. Его, конечно же, нашли, ещё живого, бесчувственного отправили в реанимацию, восстановили баланс пролитой на кафель крови и что смогли – сшили, а потом перевели в отделение к буйным. Больше я его так никогда и не увидел.

До дурки Николай Шувалов был водителем в престижном «NY Royal Car» limo service. Белая рубашка, отглаженные брючки, галстук, новенький «Lincoln Town Car»⁴. Он зарабатывал так, что хватало на жизнь и, может быть, немножко больше, но в какой-то момент жизнь эта ему показалась скучной и несправедливой. Жаловаться, казалось, было не на что. Фиктивный брак с Фаиной в перипетиях американизации как-то сам по себе вылился в нежное супружество. Родились двойняшки – Сеня и Лена, быстро подросли и отправились в начальную школу. Всей семьей получили гражданство. Ровно через семь лет с момента приезда в страну, день в день, купили дом. Была работа, два раза в год отдых на островах в Карибском бассейне и поездки в Москву к друзьям и маме. Счастливую жизнь омрачало лишь то, что расплатой за все эти годы запрограммированного роста благосостояния были монотонные шоферские будни: баранка, запах бензина, техосмотры, ремонты, мелкие аварии, сбитое расписание, ожидание чаевых, бутерброды на обед, хронический недосып и... общая проблема тратящих деньги – их вечный недостаток.

Как один день пролетели десять лет эмиграции, и будто это случилось еще вчера, Коля помнил, как оформив сначала в ЗАГСе Свердловского района г. Москвы брак с еврейской девушкой Фаиной Рабинович, а в скором времени и последние документы на ПМЖ в ОВИРе того же района, он упаковывал чемоданы и говорил своей подвывающей и крестящейся будто на похоронах матушке: «Ма, ну что ты ревешь? Я ж не на фронт. Ты же знаешь, если бы не Фаня, я все равно бы уехал. Не в Штаты, так в Лаос, хоть к черту на рога. Я не могу тут жить, в этом вашем ЭсЭсЭсЭре. Я лучше *там* дворником буду, чем *тут* инженером. И поверь мне, что *там* я буду жить лучше, чем *здесь*. Слышишь, лучше. Не реви, ты же хочешь, чтобы у меня все было хорошо?». Мама, безусловно, хотела, но вместо этого вновь заводила запиленную пластинку об их знатном роде, о Родине, о

³ Пиковая Дама.

⁴ Марка машины

погибшем под Витебском деде и... продолжала плакать - и все оставшиеся дни до отлёта, и в Шереметьево-2, и всякий раз, когда он звонил ей или приезжал, уже из Америки.

С точки зрения «колбасной эмиграции» Коля, что называется, свой отъезд оправдал. Перед мамой и её подругами, одноклассниками и однокурсниками, бывшими сотрудниками института и родственниками со всех сторон. И когда в материальном плане его жизнь на взгляд окружающих «полностью удалась» - он почувствовал себя несчастным. Ежедневно и еженощно пересекал он по несколько раз с востока на запад и обратно ошеломляющие разум размахом шика и великолепия авеню Манхэттана. Развозил по его улицам элегантно одетых мужчин и вкусно пахнущих женщин. Распахивал перед ними двери авто, выпускал в объятия вечно бодрствующего Сити, в объятия друг к другу. Снова садился за руль и уезжал выполнять новый заказ. Легкий шлейф дорогих духов постепенно растворялся в воздухе, и, улетаая прочь, уносил в вечность запах чужой, богатой и недоступной для него жизни.

– Неужели и я так же незаметно исчезну? Лишь взглядом прикоснусь к *их* роскоши, и всё? - терзался Граф.

Коле разонравилась его профессия, он больше не хотел быть ни шофером лимо, ни тем более американским дворником, которым был согласен стать когда-то в СССР. Он даже не хотел становиться американским инженером. Его диплом о высшем образовании затерялся где-то в кипе старых черно-белых семейных фотографий и об эвалюации, даже случайно увидев свет, никогда бы не узнал. Коля хотел стать богатым, но варианты «деньги к деньгам» или «образование-карьера-деньги» ему не подходили. Отсутствовали две основные составляющие - время и капитал. Он продолжал вовремя просыпаться, целовал на прощание детей и жену, уходя на работу, но делал это скорее машинально, чем осмысленно - как человек, утративший к жизни аппетит. Коля стал задумчив, невнимателен и уныл.

Забеспокоилась Фаина. Поменяла прическу, обновила гардероб. Муж не отреагировал.

– У тебя на работе неприятности? – спросила за ужином.

– Все превосходно, Фуфа, - ответил Николай.- Только выше жопы, увы, не прыгнешь, – добавил он философски после небольшой паузы.

Слово «жопа» за обеденным столом и тем более в присутствии детей произносилось редко. Фаина забеспокоилась еще больше.

Ночью она с виртуозностью пианиста, вслепую играющего давно знакомую партитуру, прошла по клавишам Колиных эrogenных зон, но истинной причины Колиной печали так и не узнала. Безрезультатной осталась и демонстративно скатившаяся с Фаининой щеки на подушку слеза. Коля покаяться так и не решился, правда, утром пообещал ей обратиться к психотерапевту и покончить с его помощью с наскучившей им обоим хандрой. Причину которой... - «Ты, Фанечка, ни в коем случае не должна принимать на свой счет, а просто списать на мой кризис среднего возраста», – подытожил Коля.

Рано поутру, перед тем как отправиться за первым клиентом в Манхаттан, Коля заскочил на Брайтон купить газету. Врачей-психиатров он избегал. Он их боялся, в чем стеснялся признаться даже Фаине. А поскольку противоречие достигнутого им благополучия с охватившей его меланхолией для самого Коли оставалось необъяснимым, с душевным недугом он решил бороться нетрадиционным народным путем. В русскоязычном «Дип-Курьере» глаза рябило от объявлений доморощенных целителей. Мадам Иланна и Виленна дуэтом спасали от сглаза и порчи, Госпожа Рамилла помогала в восстановлении разрушенной недоброжелателями ауры, Колдун белой магии Святодий лечил от всевозможных недугов и душевной скорби... Мадам у Коли ассоциировались с публичным домом, веру в господ он потерял еще в СССР, белая магия вызывала опасения не меньше черной, поэтому из всех объявлений Коля выбрал наиболее лаконичное и скромное – «всесильная Дева Мария готова помочь Вам добиться счастья и успеха в жизни».

Знакомство с Девой Марией обошлось Николаю в две бутылки водки. Он не был ни алкоголиком, ни крохобором, но покинув порог целительницы душ, тут же мысленно перевел потраченные на визит двадцать долларов в водочный эквивалент.

- Лучше бы пропил.

Он возвращался домой, и к его подавленному состоянию духа добавилась теперь еще и абсолютная уверенность в том, что его облапошили. Дева Мария на поверку оказалась далеко не девой и на Марию тянула не больше, чем вышедшая на пенсию и растолстевшая Манька-Облигация. Разговаривала с Колей она в приказном тоне, неприятно для слуха, соединяя воедино и противно растягивая слова. Ударения она ставила так, что язык ее был похож скорее на волапук с непонятно откуда взявшемся на Брайтоне вологодско-костромским диалектом. Монолог магии длился не больше трёх минуты, после чего Колю попросили уйти. Из сказанного он узнал, что у него двое детей – девочка и мальчик, и что стать богатым и счастливым ему поможет бабушка Анна. «Бо-го-то-мо-быть-по-мо-жот-то-бе-бо-бо-шко-онно...», – так это прозвучало из уст Марии.

В тот вечер Коля впервые за десять лет нарушил данный самому себе обет – ни грамма спиртного в ночь перед работой. Он напился. Выпивал он редко, быстро хмелел, а захмелев, отправлялся спать. Но после Девы Марии водка не брала.

- Ну, хорошо... Хотя, конечно, странно... – Вслух путался в рассуждениях Николай. - Про Сеньку с Ленкой она как-то, допустим, могла догадаться, все-таки всесильная... Но почему тогда сказала, что бабушка мне поможет? И главное - как она узнала, что бабушку звали Аня?

Коля у бабушки Ани был первым и любимым внуком. Он звал её «бабуля Нюра», она его имя произносила на иностранный манер – с ударением на букву Я - Николая. Бабуля обожала и баловала внука, как только могла, всякий раз, когда тот останавливался у нее на Страстном. Многократные мамины влюбленности, замужества и частые долгосрочные командировки вынуждали Колю надолго перебираться из серого Отрадного в шумный

центр. Под бабушкино крылышко. Большую часть своего детства он провел с ней и любил ее как мать. Перед эмиграцией он почти ежедневно навещал ее. Бабушка тяжело болела, лежала в постели, вставала редко, сокрушалась, что не в состоянии приготовить Коле королевский торт или хотя бы сырники, которые он так любит. Он говорил, что не беда, что еще будет время, когда она поправится, а он к тому времени устроится на новом месте и максимум через пару лет обязательно приедет снова, и вот тогда...

Бабушку Аню похоронили через восемь месяцев после Колиного отъезда в США. На похороны он не попал, поздно сообщили. Фаина взгрустнула, дети остались безучастны. Коля сменил белый воротничок на черный, неделю ходил на работу, соблюдая траур. Днем принимал соболезнования от сослуживцев и любивших поболтать пассажиров, а ночью, чтобы не слышала Фаня, тихонько плакал в подушку. Вскоре рабочие будни замотали его суетой, он успокоился и только в день бабушкиного рождения поминал ее парой рюмок водки, да в церкви на пасху ставил свечку за упокой ее души. Бабушку он продолжал любить, помнил о ней и память эту бережно хранил. В ответ бабуля частенько являлась каким-нибудь внезапно всплывшим в сознании афоризмом или смешным, только ей одной присущим, выражением. Жаль, только вот не снилась она ему никогда.

Коля не помнил, как внезапно окосел от выпитого, не помнил, как Фаина помогла ему добраться до спальни, раздеться и лечь в кровать. Не помнил, как уснул. Среди ночи, томимый похмельной жаждой, он проснулся, пробрался на цыпочках к холодильнику, допил прямо из пакета апельсиновый сок, зашел на обратном пути в туалет по малой нужде и, вернувшись в спальню, снова завалился спать. Но полностью отключиться не получалось. Мозг его находился в том состоянии полусна-полубреда, которое порой наступает поутру у прирожденных гениев, завязых наркоманов и алкоголиков. И в этом состоянии Коле приснилась, а скорее - пригрезилась, бабушка Нюра.

Коля стоял под окнами некогда ЦКовского дома, и видел её удивительно четко, как в жизни, только совсем молодой, какой она была задолго до болезни. Она стояла у себя на балконе, в окружении любимых анютиных глазок, и в руках держала большую искусственную ромашку. Бабушка вырывала из неё лепестки и вела им счет. Счет этот, как и бабушкина речь, звучал странно. Поразительно точно копируя голос магини Марии, монотонно растягивая и коверкая слипшиеся воедино слова, она в непонятной и неизвестно куда убывающей арифметической прогрессии вела счет падающим с балкона белоснежным лепесткам ромашки:

— Пять-де-сьот-о-дин-со-рок-чо-ты-ре-со-рок-дво-дво-дцоть-во-сьом-дво-дцоть-дво.

Лепестков на цветке становилось все меньше, а счет оставался прежним.

-Это-тво-и-ко-лень-ко-оно-ти-ны-глоз-ки-зо-по-ми-ной-хо-ро-шонь-ко, - настаивала бабушка.- Пять-де-сьот-о-дин-со-рок-чо-ты-ре-со-рок-дво-дво-дцоть-во-сьом-дво-дцоть-дво.

Когда последний лепесток упал к Колиным ногам – зазвенел будильник. Николай проснулся.

Проснулся он с улыбкой на губах, как часто случается от встречи во сне с кем-то бесконечно родным или душевно близким. Оставаясь лежать с закрытыми глазами, он продолжал видеть перед собой лицо бабушки Ани в пестром ореоле желто-сиреневого бархата цветов, удивительную ромашку в её руках и падающие с балкона лепестки в сопровождении череды случайных чисел.

Ночное видение было не в состоянии смыть неприятный привкус вчерашнего запоя, но на душе было спокойно и легко. Хандра отступила. Плохое настроение, с которым Николай просыпался в последнее время, в это утро сменилось веселым калейдоскопом разбегающихся мыслей. Коля ухватился за главную из них. Номера. Верить в сны Коля давно перестал. Он продолжал обходить черных кошек, надеялся на бьющуюся «на счастье» посуду, смотрелся в зеркало, если приходилось вернуться домой за чем-то забытым в спешке, но в сны больше не верил. В эмиграции они мало того, что стали редко сниться, они перестали сбываться. Но то, что произошло в эту ночь, требовало исключения. Связав воедино вчерашний визит к Деве Марии и продиктованные во сне бабушкой Нюрой номера, Коля пришел к однозначному решению – номера выигрышные, осталось купить лотерейный билет! «51, 44, 42, 28, 22», – открыв наконец глаза, повторил он несколько раз про себя и еще пару раз вслух. Затем вскочил с постели, наспех оделся, оставил сухими бритву и зубную щетку и с зажатым в руке долларом рванул навстречу судьбе.

В успехе он не сомневался ни на секунду. Коля бежал и бубнил себе под нос: «Анютины глазки, 22. Цветик-семицветик, 28. Работу на хуй, 42. В Париж с молоденькой переводчицей, 44. Впрочем, на хуй мне Париж, 51». Пожалуй, именно этот момент можно считать отправной точкой Колиного умопомешательства, потому, как и его поведение, и все что произошло с ним в дальнейшем, так или иначе выходило за рамки не только всей его прежней жизни, но и не вписывалось в здоровое определение общепринятых норм.

Коля примчался в ближайший *grocery*. Бегущая строка на автомате, продающем лотерейные билеты, красными огоньками вопила о том, что на кону - 12 миллионов. Пересчитывая нули и пританцовывая от нетерпения, Коля с трудом дождался, когда сонный пакистанец наконец-то обслужит стоящего перед стойкой покупателя, и выпалил скороговоркой: «New York Lotto. 22. 28. 42. 44. 51». Клерк за прилавком, ловко манипулируя кнопками автомата, набрал цифры, остановился, зевнул и вопросительно уставился на Колю. Шувалов, решив, что тот не расслышал, повторил номера снова.

– One more⁵.

- One more what? – не понял Коля.

⁵ -Еще один. (англ)

- Wake up man. One more numbers. NY Lotto you need 6 numbers. You gave me only 5⁶.

Коля опешил. Он никак не ожидал споткнуться в самом начале старта многолетнего марафона грядущей беззаботной жизни. Под впечатлением сна или выпитого накануне, а скорее - и того, и другого, он совсем упустил из виду, что в нью-йоркской лотерее разыгрывается именно шесть номеров, а не пять. То, что бабушка Нюра других номеров не называла, он не сомневался. Сон был настолько близок к реальности, что никаких мелких деталей, а тем более номеров Коля упустить не мог. Он искал подвох, повторял номера, их было пять, и подвоха в них не находил.

- Ok, give me 7⁷, – наконец произнес он.

Клерк к имеющимся номерам добавил цифру семь, забрал из Колиных рук доллар и со словами «Good luck» протянул ему распечатанный билет. Коля растерянно уставился на ряд чисел. Подсознание подсказывало ему, что цифра семь тут явно не к месту. Но что тогда? У Коли мелькнула, было, мысль, что бабушка назвала ему номера для лотереи «Take 5», в которой разыгрываются именно пять номеров, но он тут же отогнал её. Во-первых, там участвуют номера от 1 до 39, а у него три номера выше и, во-вторых, при бабушкиной неземной любви к Николю, с чего бы она стала мелочиться? «Take 5» - это максимум тысяч сто. За эти деньги беззаботное будущее вряд ли состоится. Бред.

Постояв в растерянности некоторое время, Николай принял единственно правильное, как ему показалось, решение. У него уже был один билет с заведомо счастливыми пятью номерами и подозрительной цифрой 7. Он решил, что потратит еще 51 доллар и докупит по одному все оставшиеся номера от одного до 52, исчерпав тем самым все имеющиеся варианты. Таким образом, помимо гарантированного **Jackpot** в 12 миллионов, он получит еще несколько сот тысяч долларов за угаданные пять из шести номеров по остальным 50 билетам. Все гениальное – просто.

Коля побежал домой, открыл гараж, достал из загашника в машине одну из трех спрятанных «на всякий случай» сотенных купюр, вернулся в *grocery*, и осуществил задуманное. На сдачу он купил две упаковки Heineken, к пиву - картофельные чипсы, Сене и Лене по огромной шоколадке, а Фаине - самый пышный букет, из имеющегося в наличие дешевого ассортимента цветов.

– Keep the change,- оставив щедрые чаевые, сказал Николай и удалился.

Фаня была удивлена. И внезапной, 180-ти градусной, переменой настроения мужа и проявленным с утра вниманием к семейству. Списав Колино поведение на плохо изученный его организмом похмельный синдром, она сама позвонила Колиному

⁶ -Проснись, приятель. Еще один номеров. Для НЙ лотереи нужно шесть номеров, а ты назвал только 5. (англ.)

⁷ -Хорошо, пусть будет семерка. (англ.)

начальству, соврала, что тот подхватил от детей желудочный вирус и вынужден сегодня остаться дома. После чего попросила Колю забрать днем Ленку и Семена из школы, расцеловала домочадцев и отправилась на работу.

Он закрыл за Фаиной дверь. Приготовил детям завтрак. В половине девятого помог забраться двойняшкам в подкативший к дому школьный автобус и отправил их грызть американский гранит науки. Вернулся домой. Решив, что на этом его отцовский и супружеский долг на сегодня выполнен до конца, Коля с блаженной улыбкой уселся в любимое кресло. Включил телевизор, нашел канал с круглосуточной программой мультфильмов и нажал кнопку *mute*. Затем задумчиво и неспешно открыл первую бутылку пива и пакет с чипсами. И стал считать часы. Коля прокручивал в голове предполагаемое будущее. Он не мечтал. Он строил планы. До розыгрыша оставалось меньше суток.

Распитие даже легких спиртных напитков требует определенного опыта от организма. У Коли этого опыта не было. Ни пить, ни похмеляться он не умел. Организм его на второй упаковке Heineken сломался. Фаине позвонили на работу и сказали, что детей из школы никто не забрал. Она попыталась дозвониться домой, но телефон не отвечал. Пришлось отпрашиваться с работы и ехать за детьми в школу. Фаина нервничала. Она ехала в метро и долгие 40 минут пути думала о том, что теряет мужа. Более того – она его совсем не узнает, а вернее совершенно не знает. Несмотря на пройденную вместе эмиграцию, количество прожитых под одной крышей лет и двоих общих детей, они неожиданно оказались бесконечно далеки друг от друга. Давно канули в лету времена, когда они обсуждали только что прочитанную вместе книгу или взятый в прокате фильм. Их работа, позволившая им купить дом, выбраться на уровень среднего класса, в то же время разрушала семейную идиллию, требуя взамен невероятное количество времени на добывание денег. Они практически не видели друг друга, редко общались даже по телефону. В отпуске, когда, казалось, можно побыть вместе, драгоценное время отнимали дети. Редкие совместные выходные приходились на дни рождения и прочие торжества близких и дальних родственников, просто знакомых, где внимание тратилось на окружающих, а не друг на друга. А тут еще Колина хандра, его странное поведение в последнее время. Всё это заставляло Фаину беспокоиться и переживать. Вернувшись домой, она застала мужа спящим в кресле, обставленного частокором пустых пивных бутылок, и будто перхотью, усыпанного с ног до головы крошками от картофельных чипсов. Будить она его не стала. Не стала и переносить в спальню. В кресле он проспал до утра.

Коля открыл глаза и тут же позавидовал алкоголикам, умеющим уходить в недельный запой. На здоровье он не жаловался, но и не мог позволить себе роскошь многодневного беспробудного пьянства. На второй день Коля выглядел и чувствовал себя так, будто пил уже месяц. Если вчера рано утром голова его гудела от водки, мыслей и впечатлений как Дом Советов в разгар сессии, то сегодня она была похожа на сад Эрмитаж, закрытый хмельным сторожем после полуночи. Как одинокий заблудившийся в темных аллеях посетитель в голове бродила единственная мысль и на манер SOS кричала: «Я – миллионер!»

Коля вскочил с кресла, дыша перегаром, миновал, как и накануне, ванную, стряхнул с себя на пол мелкие последствия вчерашнего пьянства и отправился в *grocery* за утренней газетой *Daily News*, чтобы, наконец, убедиться в судьбоносных переменах в его жизни.

У входа в *grocery*⁸, где он сутки назад покупал лотерейные билеты, царил ажиотаж. Хозяин-пакистанец увлеченно жестикулировал, что-то весело рассказывая обступившим его утренним покупателям. Коля ускорил шаг. Ему изо всех сил захотелось крикнуть: «Это я. Это я. Это мои 12 миллионов. Вот он я, счастливчик. Смотрите. Завидуйте. Я, я, я. ВЫИГРАЛ!» Он подошел ближе, уверенный в том, что его тотчас вспомнят, узнают, и приготовленные слова окажутся лишними. Шутка ли. Ведь не каждый день случаются такие подарки судьбы. Десять тысяч только за то, что продал счастливый билет. И пакистанец его действительно узнал:

- That's him, that's him. 52 ticket, 52 ticket. All won. Every tickets won.⁹

Какие-то посторонние люди стали жать Николаю руки, его обнимали, поздравляли с выигрышем. Николай был растерян и потрясен, по его небритым вторые сутки щекам покатались слезы. Он выбрался из дружелюбного плена бескорыстно радующихся его счастью людей, вошел в *grocery*, чтобы взять на память газету с выигрышными номерами, и первое, что бросилось ему в глаза - это бегущая строка на лотерейном автомате с объявлением, что следующий *Jackpot* будет 14 миллионов.

Это могло означать лишь то, что в розыгрыше предыдущих 12 миллионов шесть номеров не угадал никто.

— Какая-то ошибка,- решил Николай и выдернул из стопы свежую *Daily News*.

Сердце его сжалось. На второй полосе в левой колонке в разделе *NY Lottery Winning Numbers*¹⁰ он увидел выпавшие накануне номера NY Lotto: 2, 20, 28, 42, 44, 51.

— Фух, слава Богу, вот они все тут.

Коля знал, что зачеркнул и 2, и 20 в комбинации с остальными посланными провидением номерами. Он облегченно вздохнул. Свершилось! Сморгнул, посмотрел на ряд выпавших номеров снова, и не увидел среди них цифры 22. Как же так? Нет, не может быть. Бабушка называла пять номеров: 51, 44, 42, 28 и 22. В этом не было ошибки. Коля снова повторил про себя заветные номера, затем посмотрел на номера в газете. Раз, потом еще раз, и в какое-то мгновение его мозг вдруг осознал то, что разум отказывался принимать. Коля потерял сознание.

⁸ Бакалея. (англ.)

⁹ -Это он, это он. 52 билет, 52 билет. Все выиграть. Каждый билеты выиграть. (англ.)

¹⁰ Выигрышные номера НЙ лотереи. (англ.)

Он пришел в себя от брызг воды и неприятной сырости, скопившейся у него за спиной. Хозяин-пакистанец, продолжая поливать Колино лицо минеральной водой прямо из бутылки, громко и настойчиво просил кого-то: «Call 911, call 911»¹¹. Коля сидел на полу в том же *grocery*, в луже, прислонившись спиной к холодильнику с пивом, и его губы шептали, не переставая, одну и ту же фразу: «дво-дцоть-дво - это не двадцать два - это двадцать и два».

Коля встал: голова кружилась, его бил озноб. Связно говорить у него не выходило и пришлось жестами заверить испуганного хозяина *grocery*, что домой он доберется сам, и никакой 911 ему не нужен.

- Look at this lucky guy, he fainted from happiness.¹² – Вдруг на правильном английском обрисовал ситуацию пакистанец столпившимся вокруг Коли ротозеям. На прощанье он сунул Коле в руку распечатку-корешок с выигрышными номерами вчерашнего розыгрыша и причитающимися за это денежными призами.

Добравшись домой, Коля нашел в себе силы отыскать чистый лист бумаги, взял фломастер, сел за стол и дрожащими руками начал подсчитывать потери. В самом верху, по центру, он написал цифру 12 с шестью нолями и поставил под ней жирный минус. После чего заглянул в корешок. Первая строка корешка сообщала, что шесть номеров не угадал никто. Коля тяжело вздохнул. За пять угаданных номеров, следовало далее из распечатки, подразумеваемым счастливицам причиталось по \$4,588.00. Николай был одним из них. Более того, таких билетов у него было два. В правом нижнем углу листа он дважды сложил эту сумму, и полученный результат вписал под 12 миллионами. Минус \$9,176.00. В оставшихся пятидесяти билетах у него было угадано по четыре номера из шести, за что ему причиталось по 78 долларов за каждый. Еще минус \$3,900.00. Коля подвел итоговую черту, посмотрел на результат и у него случилась истерика. Его *gross total lost* составлял одиннадцать миллионов девятьсот восемьдесят шесть тысяч девятьсот двадцать четыре доллара. Коля рыдал, обхватив голову руками, и смотрел, как капающие на бумагу слезы растворяют его несбывшиеся мечты. «Один-нод-цоть-миль-о-нов-де-воть-сот-во-семь-дью-сот-шо-сть-ты-сьоч-де-воть-сот-двод-цоть-чо-то-ре-дол-ора и ноль ноль центов».

Зайдя в дом, Фаина нашла в гостиной разбросанные по столу и полу все 52 лотерейных билета. Подобрал и билеты, и корешок с распечаткой выигрышных номеров и положенной за это наградой, Фаня тут же навскидку прикинула, какой суммой их семью внезапно наградила судьба. Выходило больше десяти тысяч. Она завизжала от радости и бросилась тискать и целовать детей.

– Коленька, Коля, где ты? – Закричала она, мечась по дому в поисках мужа. – Боже мой, тут целое состояние! Больше десяти тысяч. Мы миллионеры... Коля, ты слышишь?

¹¹ Позовите в Службу Спасения, позовите в Службу Спасения. (англ)

¹² Посмотрите на этого счастливицу, он упал в обморок от счастья.

Счастью ее не было предела, пока она не спустилась в гараж и не увидела Колю, валяющимся на цементном полу. Мертвенно бледный он лежал без сознания, смешно поджав ноги к груди и крепко обхватив их руками. Голова его покоилась в пенной, отвратительно желто-зеленого цвета, луже. Такого же цвета пузырящаяся слюна продолжала медленно стекать на пол из его рта. В правой руке он сжимал пустую упаковку из-под какого-то лекарства. Фаня охнула, плотно закрыла дверь, чтобы не пугать детей, и стала звонить в службу 911.

Колю откачали. Плохо разбираясь в фармакологии, он пытался отравиться пахикарпином - Фаиниными таблетками на случай непредвиденной беременности. Умереть он вряд ли бы умер. Но попытка суицида есть попытка суицида. Никуда от нее не денешься. С этим диагнозом Колю отправили в *Payne Whitney Psychiatric Clinic*, где я с ним и встретился спустя полгода после случившегося.

Итак, в один прекрасный момент, материальная сторона моей жизни дошла до той грани, за которой начиналась нищета, позор, пьянство и уныние. Воровать я не умел, а честно заработать много не получалось. Впутывать свою душу и тело в интриги потустороннего мира мне тоже не хотелось, но другого выхода я не находил. Обогащенный печальным опытом Графа я некоторое время колебался. Случись что непредвиденное, тело было бы не так жалко, но вот душой я дорожил.

На моей памяти имеется немало случаев из жизни всевозможных знакомых, которые, пытаясь вступить в конфликт или просто заигрывая с обратной стороной бытия, оказывались в весьма плачевном положении. Одна моя близкая подруга, назовём её Люцея, нажила себе таким образом прекрасную, неизлечимую паранойю. Будучи 16-летней наивной дурой, она поперлась к гадалке узнать свою дальнейшую судьбу: не готовит ли ей эта судьба засидеться в старых девах. После разбрасывания карт Таро и спиритического сеанса, в котором участвовал незадолго до этого события покинувший бренную землю Люцин папа, гадалка сказала, что юной особе насчет замужества переживать не стоит. Она скоро выйдет замуж. Правда, перед этим ее ожидает потеря близкого друга.

— А я как умру? — идя на поводу у детского максимализма, спросила девушка.

- Умрешь ты в ванной. — Был ответ.

Вскоре стали сбываться пророчества: у Люцеи погиб ее единственный друг, которым на то время была, увы, канарейка, умершая скорее от обжорства, чем одиночества. Еще через месяц, к ужасу родни, и не совсем удачно, к сожалению для себя, но слава Богу, и не по беременности, Люцея вышла замуж. Ей оставалось только умереть в ванной. Бог знает сколько с тех пор в этой ванной утекло воды. Лю жива до сих пор, прекрасно себя чувствует, отлично выглядит, воспитывает мужа и детей, и, надеюсь, проживет еще лет сто. Но вот ванная комната в ее доме уже на протяжении многих лет напоминает мне

альпинистский тренировочный центр в миниатюре. Между полотенец висят диковинные конструкции страховочных ремней, рукомойник и унитаз огорожены безопасным периметром, а стены и пол защищены особым, дважды прорезиненным японским покрытием. А ванна! Это не ванна. Это вершина научно-технического прогресса в антисуицидальном мире. В ней даже синяк поставить – проблема.

Не только полный загадок потусторонний мир таит в себе опасности и сюрпризы, но и все его земные представители, помогающие без меры любознательным персонажам бродить с их помощью во времени и пространстве, таят в себе серьезную угрозу. Все они, начиная от привокзальных гадалок и заканчивая безобидным на вид тибетским Далай-ламой, вызывают во мне не только тревогу, но и массу подозрений. И мне казалось, что этот вопрос, как в арифметике 2×2 , ни у кого сомнений не вызывает. Но вот ещё у одних моих хороших знакомых, не родственников, а однофамильцев Михал Михалыча Жванецкого - приемный пасынок Тибета, которого они считают кудесником, а я – шарлатаном, снял с банковского счета всю имеющуюся на тот момент наличность, при этом запудрив им мозги так, что они теперь с пеной у рта уверяют всех, что проживут минимум до 150 лет. Годам к ста они заведут наследника, а еще, между прочим, скоро научатся летать, потому что это самое простое из обещанного чародеем. Дай-то им тибетский Бог. И ладно бы этот сдвиг по фазе ограничивался пропагандой среди друзей и знакомых, а лучше бы вообще держался в тайне, как семейный раритет. Но нет. Их святая вера сопровождается изнурительной диетой, противоестественными физиологическому существованию многомесячными постами и нездоровым революционным блеском в глазах. Я к ним больше в дом не хожу. Потому, что не люблю голодать и не умею правильно поститься, наследники у меня уже есть, а улететь я могу хоть сейчас, без всяких медитаций и специальных тренировок, благодаря припрятанной в холодильнике марихуане. Да и жить до ста пятидесяти я тоже не хочу. Я лишь хочу быть материально независим.

Ладно, достаточно примеров. Это была всего-навсего попытка сказать о том, что мысль привлечь для общения с загробным миром каких бы то ни было экстрасенсов или экзерсистов я сразу отбросил. Надо действовать напрямую. Без посредников. Свою усопшую бабушку, как это сделал Граф, тревожить на том свете вопросом с лотерейными номерами для очередного нью-йоркского розыгрыша я считал занятием несерьезным. Пришлось бы ей, наверное, долго объяснять, что к чему. Я решил искать помощи у своей матушки, которую не так давно похоронил, и, продолжая пребывать в скорби и печали, считал вполне уместным обратиться к ней за столь пустяковой для неё, как мне казалось, мелочью.

Подготовительный процесс занял примерно полгода. Знаю, долго, и супруга моя не зря упрекает меня в перфекционизме. И знаю, что это тоже своего рода сдвиг по фазе, но ничего поделать с собой не могу. Шесть месяцев, такие дела! Поскольку общаться предстояло во сне, и от меня требовалось хоть как-то контролировать происходящее, я на всякий случай перечитал первые пять томов Кастанеды. Засыпая, я теперь не только легко превращался в птиц, насекомых и растения, но даже внятно разговаривал с ними и слышал собственный голос. Наконец, убедившись в том, что во сне запросто могу видеть

не только свои руки, но и кое-что еще, я посчитал теоретическую часть завершенной. С практической стороны требовалось добиться от себя умения, находясь в состоянии полусонного бреда, разборчиво написать на бумаге шесть заветных номеров.

Вот здесь наступает очень серьезный момент. Мозг должен находиться, если тут уместно такое сравнение, одной ногой в мире потустороннем, а другой ногой в это же время в мире реальном. Добиться этого состояния довольно сложно. У людей, покурывающих травку, есть такое понятие «*wake & bake*»¹³. Это когда на прикроватную тумбочку кладешь с вечера приготовленный *joint*-косячок и зажигалку, а утром, на ощупь, не проснувшись окончательно, выкуриваешь его с закрытыми глазами. Вот тогда это состояние удивительной работоспособности раскрепощенного ума, совмещенное с реальностью происходящего, можно продлить на приличное время. Два, может быть, три часа. Мне этот «вэйк энд бэйк» не подходил, мне было достаточно всего нескольких минут, и я не искал легких путей к победе.

Я обзавелся хорошей бумагой, шариковой ручкой для космонавтов, которая не могла писать разве что только под водой, и диктофоном, на тот случай, если ручка все-таки откажет. Диктофон - не самое лучшее приспособление для этой цели. Собственный голос, в смысле – разбудить, даже шепотом сработает с утра получше любого будильника и запросто сотрет из памяти только что услышанные номера. Но я решил – пусть будет. Он включался при малейшем шорохе, а ночью мало ли что можешь ляпнуть во сне. Ночью всякое может случиться.

Я человек ритуальный, поэтому и суши люблю, и чай не в пакетиках тоже. И меня ничуть не корбило и не раздражало, когда каждый вечер, перед тем как уснуть, приходилось аккуратно раскладывать на тумбочке все необходимые для успешного общения с матушкой принадлежности. Лист бумаги, шариковую ручку космонавтов, чуть подальше диктофон, рядом с ним маленькую иконку Николая Угодника, подаренную мне матушкой перед эмиграцией, и еще чуть подальше - красный маркер на случай, если сломаются и ручка, и диктофон.

Несмотря на столь тщательные приготовления, матушка моя ко мне во сне не приходила. Каждый раз, укладываясь спать, я волновался так, как не волнуются студенты во время сессии, перед последним экзаменом. Ожидание мое вылилось в рутину. Диалог не получался. Кастанеда не помогал. Правда, через некоторое время я стал видеть сны исключительно о том, что идеей фикс в течение дня крутилось в моей голове. Большей частью это были кошмары.

Мне приснилось, что матушка, наконец, пришла, а я не смог ей толком объяснить, что мне от нее необходимо. Или сон, где она не слышит меня, или другой, еще хуже - где я не могу понять её. Был сон, в котором нашей беседе сначала мешал кто-то из их, а затем и из нашего мира. Сон, когда отказалась писать проклятая космическая ручка, а фломастер

¹³ Разбудить и запечь. (англ. досл.)

скатился на пол. В какой-то момент я подумал, что начинаю сходить с ума. И вот, как это бывает обычно в книжных романах и театральных драмах, когда я впал в отчаяние и уже потерял всякую надежду, она вдруг явилась ко мне.

Я видел её так же ясно и четко, как видел ее при жизни, так же ясно, как наверное, видел Коля Шувалов бабушку Аню в своем пророческом сне. Я понимал, что это сон, что нужно быть очень внимательным и сосредоточиться над всем, что она скажет, чтобы не было потом этих, как у Коли, «дво-дцоть-двох», которыми окажутся двадцать и два. Матушка улыбалась во сне и говорила, что все понимает, что волноваться не стоит, что она будет говорить медленно и, если нужно, повторит номера снова. Я приготовился внимать. Я видел сон, но все мои чувства были обострены до предела. Я не только слышал, я видел, я осязал ее голос.

- Я так четко слышу её, мозг мой будто и не спит вовсе, - думал я, - я все услышу, все запомню. Не понадобится ни ручка, ни диктофон. Слава Богу, хоть с этим не будет проблем.

Боже мой, я так долго ждал этой минуты.

- Мама, называй цифры, - попросил я.

И она медленно начала диктовать:

- Один, два, три, четыре, пять...

- Мама, погоди, - перебил я, - так ведь не бывает! Какие раз-два-три-четыре-пять??? Там 52 номера, мне нужно шесть выигрышных, а ты диктуешь мне пять номеров подряд. Они так никогда не выпадут!

- Правда? – удивленно спросила мама. – Ну, тогда 15.

Я проснулся.